

СЕРИЯ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ТЕОРИЯ

Lori Gruen

Ethics and Animals

An Introduction

Лори Груэн
Этика и животные
Введение

Перевод с английского
Дмитрия Кралечкина
под научной редакцией
Софьи Шукиной

Издательский дом
Вышей школы экономики
Москва, 2024

УДК 179.3/179.4
ББК 87.77
Г91

<https://elibrary.ru/scnplw>

ПРОЕКТ СЕРИЙНЫХ МОНОГРАФИЙ
ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ
И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

Руководитель проекта АЛЕКСАНДР ПАВЛОВ

Груэн, Лори

Г91 Этика и животные: Введение / пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. С. Шукиной; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2024. — 352 с. — (Политическая теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-2730-6 (в пер.). — ISBN 978-5-7598-4038-1 (e-book).

Книга представляет собой увлекательный рассказ об этике животных. Лори Груэн сопоставляет острые и провокационные примеры из практики со спорами в этической теории, призывая читателей к критическому и при этом пронизанному эмпатией осмыслению наших отношений с другими животными. Предлагая новый взгляд на ключевые дебаты в области взаимодействий человека и животных, Груэн объясняет сложные темы, которые побуждают читателей оттачивать этическую рефлексивность и выработать обоснованную позицию в отношении собственной практики.

Издание адресовано широкому кругу читателей. Оно также станет бесценным подспорьем для студентов, изучающих этику, экологию, ветеринарию и другие дисциплины, связанные с исследованиями животных.

УДК 179.3/179.4

ББК 87.77

Перевод выполнен по изданию: Lori Gruen. *Ethics and Animals. An Introduction*

This translation of *Ethics and Animals* is published by arrangement with Cambridge University Press

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики
<http://id.hse.ru>

doi:10.17323/978-5-7598-2730-6

ISBN 978-5-7598-2730-6 (в пер.)
ISBN 978-5-7598-4038-1 (e-book)
ISBN 978-0-521-88899-8 (англ.)

© Lori Gruen 2011
© Перевод на русский язык.
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Благодарности	8
Предисловие	11
I. ПОЧЕМУ ЖИВОТНЫЕ ИМЕЮТ ЗНАЧЕНИЕ	18
Анализ принципа исключительности человека	24
Кто заслуживает этического внимания?	54
Внимание к другим животным	67
II. ЕСТЕСТВЕННОЕ И НОРМАТИВНОЕ	83
Поступать естественно	87
Виды и видовая дискриминация	92
Люди и личности	101
Нравственные агенты и нравственные пациенты	108
Аргумент от крайних случаев	114
III. ПОЕДАНИЕ ЖИВОТНЫХ	132
Развитие индустриального сельского хозяйства	136
Жизнь и смерть на промышленных фермах	142
Аргументы против промышленных ферм	148
Обязательно ли вегетарианство с этической точки зрения?	157
IV. ЭКСПЕРИМЕНТЫ С ЖИВОТНЫМИ	177
Поиски знания	182
Изменение установок и выработка норм	186
Боль животных и психологическое благополучие	191
Вес разных ценностей	197
Отмена экспериментов над животными	210

V. ДИЛЕММЫ СОДЕРЖАНИЯ В НЕВОЛЕ	216
Зоопарки	225
Свобода	233
Автономия	238
Дикое достоинство.	249
Животные-компаньоны	255
Приют	259
VI. ЖИВОТНЫЕ В ДИКОЙ ПРИРОДЕ	267
Вымирание	271
Ценность видов	276
Конфликты людей и диких животных	284
Конфликты между животными	291
Конфликты между аборигенными видами и пришлыми	300
VII. ЗАЩИТА ЖИВОТНЫХ	305
Могут ли цели оправдывать средства?	312
Стратегии борьбы с видовой дискриминацией	316
Действие с эмпатией	332
Библиография	335

Посвящается Мэгги

БЛАГОДАРНОСТИ

Заняться профессионально философией меня побудило раннее знакомство с этикой животных. Я многим обязана своим первым учителям, которые ныне стали моими дорогими друзьями, — Дейлу Джеймисону и Питеру Сингеру. Мой путь в философию был отмечен решением попытаться напрямую изменить отношение к животным. Я закончила аспирантуру, когда движение за права животных только начинало зарождаться, и проработала несколько лет в проектах, борющихся с разными формами эксплуатации животных, а также участвовала во многих активистских кампаниях, поистине восхитительных. Я работала плечом к плечу с такими невероятными, заражающими других своих воодушевлением людьми, которых оказалось бы слишком много, если бы я попробовала их перечислить, однако я особенно хочу поблагодарить Часа Кьодо, Кена Ноулса и Вики Миллер. Многие годы я с огромным удовольствием работала с людьми, которые посвятили себя заботе о животных, и они не только познакомили меня со всеми хитростями эмпирической работы, но и помогли мне лучше понять интересы животных. Я в особенно большом долгу перед Линдой Brent и Эми Фульц из приюта Chimp Haven в Кейтвилле (Луизиана) и Пэтти Риган из Центра человекообразных обезьян в Уочула (Флорида).

Некоторые идеи, затрагиваемые в этой книге, на протяжении многих лет озвучивались мной на различных площадках. Я благодарю слушателей Принстонского университета, Йельской юридической школы, Уэллсли-колледжа за то, что они обсудили со мной ряд идей, которые

излагаются в главах I, II и V. Я преподавала этику животных в пяти разных университетах и колледжах, и я признательна всем студентам этих курсов, особенно студентам курса «Люди — Животные — Природа», прочитанного весной 2008 г. — осенью 2009 г. в Университете Уэслиан, в ходе которого я проработала материал, составивший основу этой книги. Несомненно, они обнаружат на этих страницах свои возражения и ответы на свои вопросы. Особая благодарность Мике Фиринг, Дэну Фишеру, Меган Хьюз, Марку Ли и Дэну Шнидевинду за комментарии к некоторым главам. Я благодарна Молли Лаффлин-Роуз за помощь в исследованиях и Тайлеру Уатману за помощь со ссылками. Мои друзья в Университете Уэслиан в Миддлтауне и Fresh Yoga в Нью-Хэвене оказали мне очень ценную, хотя и совершенно разную помощь. Я признательна Хилари Гаскин из издательства Кембриджского университета за то, что она поняла важность этой книги и поддерживала меня в процессе работы над ней. Особенно в большом долгу я перед Валери Тибериус, Дж.Д. Уокером, Кристен Олсен и особенно Робертом К. Джонсом за то, что они дали мне подробные комментарии к первым вариантам глав, составивших эту книгу.

Свою глубочайшую благодарность я выражаю отдельным животным, которые вдохновляли, забавляли и утешали меня, с которыми у меня были насыщенные и действительно изменившие мою жизнь отношения, — моим кошкам Тути, Джейсону, Джереми, Камю и строптивой Элдридж Рекатснер; моим собакам Дули и Бадди; а также моим друзьям-шимпанзе, которые живут в приюте Chimp Haven, — Саре, Шебе, Эмме, Харперу, Айви, Кили и Даррелу. Когда я писала эту книгу, Даррела и Бадди не стало, однако память об их твердом характере и смелости поддерживала меня. Моя любимая собака Мэгги и ее подруга Фаззи постоянно были рядом со мной (или, говоря точ-

нее, у моих ног), когда я работала за компьютером. Мэгги особенно терпеливо сносила мой характер, когда подходил срок сдачи книги. Она помогла мне преодолеть многие потери и вызовы; ее лояльность и забота обо мне стали для меня образцом добродетельного этического внимания. Я посвящаю эту книгу ей.

ПРЕДИСЛОВИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ наших этических отношений с животными восходят к античности, но только в 1970-х годах на волне борьбы за социальную справедливость, расовое и гендерное равенство этика животных стала рассматриваться со всей серьезностью философами и другими теоретиками, и тогда же родилось современное движение защиты прав животных. Когда я впервые начала работать над этикой животных, она находилась на границе между академической наукой и обществом, поэтому мне отраднo видеть, как постепенно складывалось самостоятельное научное направление под названием «исследования животных», и наблюдать за тем, как этика животных становится все более мейнстримным явлением. За последние 10–20 лет была проделана настолько большая теоретическая работа, что, по моему мнению, можно уверенно сказать, что сегодня мы видим «вторую волну» этики животных.

Во вводных текстах обычно делается попытка представить все стороны определенной проблемы, и мне кажется, что в этой книге мне это удалось. Однако, поскольку я думала и писала об этике животных, а также вела по ней курсы на протяжении более двух десятилетий, у меня есть хорошо проработанные взгляды на проблемы, которые я излагаю в этой книге, и своим студентам я обычно говорю, что было бы обманом делать вид, что это не так, поэтому я не стараюсь скрыть свои давно продуманные суждения. Мои позиции очевидны: другие животные заслуживают нашего нравственного внимания, их жизни имеют значение, и именно такая точка зрения определяет

эту книгу. Однако я не придерживаюсь в своей книге какой-то определенной философской позиции и не занимаюсь ее изложением. Скорее, учитывая существование конкурирующих этических проблем и многочисленных ценностных конфликтов, которые невозможно решить легко и очевидным образом, я стараюсь выделять этические затруднения в наших взаимодействиях с другими животными, а также указывать на некоторые ограничения популярных этических подходов. Даже среди тех, кто признает значимость животных, существуют серьезные расхождения. Я рассмотрела здесь некоторые из этих расхождений в рамках этики животных, в том числе и современные споры, однако, конечно, я не могу охватить весь этот материал. Многие будут не согласны с аргументами, которые я тут привожу, однако одна из моих целей — дать читателям достаточно аргументов и информации, чтобы они смогли выработать собственные взгляды, которые потом смогут уверенно защищать.

Едва ли не в каждой этической дискуссии заметна тенденция упрощать противоположные взгляды или изображать противников в карикатурном виде. Это определенно относится и к спорам в области этики животных. Например, противники опытов над животными нередко полагают, что те, кто использует их в научных целях, ни во что не ставят ни животных, ни защитников их прав. Я выяснила, что это не так. Точно так же защитники зоопарков обычно сваливают в одну кучу всех, кто против содержания животных в неволе, считая их радикалами, которые предпочитают, чтобы все животные вымерли, лишь бы не держать их в заточении. Я выяснила, что это тоже не так. Намного проще считать, что все вещи распределены по строгим бинарным категориям; и, определенно, намного проще писать, словно это на самом деле так. Боюсь, что я тоже иногда чрезмерно упрощаю теоретические позиции, особенно когда пытаюсь представить ка-

кую-то философскую мысль как можно точнее. Но на самом деле большинство позиций намного более сложны, и люди, занимающие разные позиции относительно животных, распределяются по определенному спектру. Кроме того, позиции людей по отношению к другим животным не всегда последовательны. У меня есть друзья, которые посвятили свои жизни защите и спасению животных, но при этом они едят других животных. Я знаю вегетарианцев, которые ставят опыты над животными, и веганов, которые поддерживают регулярный забой животных в приютах. Именно благодаря всем этим нестыковкам так интересно преподавать этику животных. Мы все так или иначе участвуем в практиках, которые я исследую в этой книге, и это отличает их от многих других философских тем, для нас скорее абстрактных.

Я выстроила книгу так, чтобы она была доступна заинтересованному читателю и в то же время полезна тем, кто хотел бы использовать ее в учебной аудитории. Каждая глава начинается с одного или пары небольших рассказов, где поднимается ряд проблем, которые будут изучаться в этой главе. Я думаю, особенно важно в размышлении об этике и ее преподавании не позволять теории уходить слишком далеко от практики. Информация об этических проблемах реального мира должна определять наши философские размышления, поэтому я часто обращалась к экспертным (нефилософским) идеям и знаниям о тех или иных практиках. Лучше всего об этом сказал, как мне кажется, философ Генри Сиджвик:

Наша цель — определить идеал благой жизни... и чтобы сделать это удовлетворительным и полным образом, мы должны располагать адекватными знаниями об условиях нашей жизни во всей ошеломляющей сложности и разнообразии, в которой она на самом деле проживается... мы можем сделать это только благодаря полным и многооб-

разным знаниям о реальных возможностях и ограничениях, реальных потребностях и искушениях, реально сковывающих обычаях и привычках, желаниях и страхах... и эти знания философ — чей личный опыт часто весьма ограничен — не может в полной мере усвоить, если только он не будет пользоваться возможностями учиться на опыте [других]... практическое суждение философа о конкретных проблемах часто не заслуживает доверия, если оно не опирается и не ориентируется на практическое суждение других людей, философами не являющихся [Sidgwick, 1998, p. 20–21].

Я искала сведения и «практическое суждение» вплоть до последней минуты, чтобы дискуссия по возможности отвечала современному положению дел. Также я включила рассказы о собственном опыте работы с животными и высказывания людей, которые вовлечены во многие аспекты обсуждаемых здесь вопросов, например, тех, кто работает в лабораториях или зоопарках, кто против применения животных в лабораториях и против зоопарков, кто непосредственно ухаживает за животными в приютах и убежищах, кто изучает животных в дикой природе.

Если эту книгу рассматривать в качестве учебника, то главы можно использовать в преподавании довольно по-разному, в зависимости от содержания курса и интересов преподавателя. В первых двух главах представлены этические аргументы, которые составляют ядро дискуссий об объеме и природе наших обязанностей перед другими животными. Хотя эти главы относительно независимы друг от друга, преподаватели могут дополнить их текстами, в которых рассматривается история этики, когнитивные процессы у животных, сравнительная психология, философия биологии, исследования ограниченных способностей, а также текстами, в которых критикуется антропоцентризм. Другие главы также можно дополнять в зависимости от интересов преподавателя. Глава III

органично подводит к более обширному обсуждению этики убийства или философии пищи. В главе IV я лишь мимоходом касаюсь вопроса боли, которому было посвящено много интересных философских и научных работ; также здесь многое может сказать ветеринарная медицина. Кроме того, эта глава подводит к некоторым сюжетам из истории и философии науки. Глава V может быть дополнена углубленным обсуждением автономии, политической философии или же сюжетами из области философии сознания. Глава VI может стать основой для прекрасного модуля по экологической философии и биологии сохранения видов. В главе VII рассматривается активизм в области защиты животных, и здесь можно было бы сказать намного больше об отношении этого активизма к другим формам борьбы за социальную справедливость. Разумеется, это все просто варианты, и я надеюсь, что книга может оказаться полезной тем, кто ведет курсы по праву животных и исследованиям животных в рамках разных дисциплинарных и междисциплинарных подходов.

Я хотела бы сделать несколько комментариев о терминологии. Термин «животное» вызывает споры, поскольку он может использоваться совершенно по-разному. Часто он предполагает, что люди из его области значения исключаются, но, конечно, люди — тоже животные. Тогда как и термин «человек» не настолько однозначен, как может показаться, о чем я говорю в главе II. Термин «животное» настолько обширен, включает настолько большое число разных организмов, что порой он оказывается слишком общим, чтобы быть полезным. Некоторые авторы, в том числе и я, для большей конкретики используют термин «не-человеческое животное», которым обозначают остальных животных. Некоторые утверждают, что тем самым люди ставятся выше других животных. Чтобы исправить это, порой используют термин «животные, отличающиеся от человека», но он кажется немного громоздким.

Я использую термин «другие животные» так часто, как это имеет смысл. Также я использую термины «не-человеческие животные», а иногда и просто «животные».

Некоторые философы отделяют «этику» от «нравственности», я же использую здесь эти термины как синонимы.

Также я хотела бы обратить ваше внимание на то, как я использую местоимения. Использование местоимений — особенно важная тема в гендерных исследованиях, поскольку употребление гендерно-нейтральных или гендерно-инклюзивных местоимений или же, наоборот, их неприменение влечет следствия, которые не ограничены грамматикой. В исследованиях животных идет борьба за то, чтобы перестать называть животных местоимением «оно» («it»), применимым к неодушевленным объектам, и начать называть их «он» или «она». Это не так просто, когда неясно, какого пола конкретный индивид, которого я имею в виду, так что иногда я говорю о животном, пол которого мне не известен, как о «нем», в мужском роде, а иногда как о «ней». Проверка орфографии постоянно сбавывала, когда я писала «whom» в предложениях, где речь о животных, на которых я указываю местоимением «who» («кто»), а не «that» («тот»). Такие подсказки программы я игнорировала.

Хотя над темами, которые я здесь представляю, я работала много лет, временами от работы над этой книгой мне было очень грустно. Мы, люди, причинили другим животным много совершенно ненужных страданий. Когда изучаешь историю экспериментов над животными или зоопарков, оцениваешь современное состояние животноводства или узнаешь о кризисе, вызванном торговлей мясом диких животных в Африке, и скорости вымирания видов, иногда возникает чувство, что этическое обсуждение всего лишь царапает поверхность наших устоявшихся бессердечных практик, а задача их изменения кажется

непреодолимой. Однако соприсутствие с другими животными, ощущение их невероятных способностей к прощению, знакомство с замечательными людьми, которые тратят свои жизни на улучшение жизней животных, наконец, работа со студентами, которые горят желанием сделать нечто важное, — все это дает мне надежду. Отчасти моя надежда основана на том, что, прочитав эту книгу, читатели смогут переосмыслить свои отношения с другими животными, так что вы, возможно, пожелаете ежедневно заниматься одним и тем же — делать мир лучше для всех животных, и людей, и не-людей.

I. Почему животные имеют значение

В НАЧАЛЕ лета 2004 г. у северного побережья Северного острова Новой Зеландии стайка дельфинов-афалин окружила тесным кольцом четырех пловцов. Дельфины были возбуждены, били по воде своими телами, кружили вокруг пловцов, удерживая их друг возле друга примерно четверть часа. Патруль береговой охраны на проплывавшем неподалеку катере заметил суматоху и ринулся к пловцам, чтобы выяснить, что случилось. Под водой, под пловцами, патрульный увидел большую белую акулу, которая в этот момент уплывала. Считается, что патрульный катер спугнул акулу, но именно дельфины защищали пловцов от ее нападения до прибытия патруля. Доктор Рошель Константин из Школы биологических наук Оклендского университета отметила, что такое поведение встречается редко, однако некоторые примеры все же известны. «Насколько я понимаю поведение этих дельфинов, они своими действиями показывали, что акула чему-то угрожает. Известно, что дельфины помогают беззащитным созданиям. Это альтруистическая реакция, и афалины особенно славятся ею»¹.

---

¹ Thomson A. Dolphins saved us from shark, lifeguards say // 50th voyager. Website of the Year. November 24, 2004. URL: www.nzherald.co.nz/nz/news/article.cfm?c_id=1&objectid=3613343.

Действительно ли дельфины альтруистичны? Считают ли они людей беззащитными созданиями? Могут ли они понимать угрозы другим индивидам, а не только себе? Действительно ли они заботятся о других индивидах, даже если это представители иных видов? Если дельфины заботятся о нас, должны ли мы заботиться о них и других животных? История о дельфинах, спасших людей от возможного нападения акулы, вызывает любопытство и внушает воодушевление, указывая на конгломерат вопросов, многие из которых мы будем рассматривать в этой книге.

Люди всегда жили в тесном соседстве с другими животными. Животные работали рядом с нами. Они охотились на нас, а мы — на них. Мы использовали их в качестве заменителей людей в научных и медицинских экспериментах, мы изменили их генетически и физически, сообразно нашим вкусам, нашему образу жизни или нашим домашним потребностям. Они могли развлекать нас, но также вдохновлять, служить примером верности и преданности. Кроме того, не-человеческие животные играют определенную концептуальную роль, помогая нам определять самих себя как людей. Мы — не они. Человеческую природу мы определяем, противопоставляя ее животной. Их отличие от нас подчеркивает наше сходство с другими людьми. И реальные, и концептуальные отношения людей с другими животными ставят этические вопросы, как и любые отношения между индивидами, обладающими чувствами. Мы сосуществуем с другими животными на планете, на которой недостаточно ресурсов, чтобы поддерживать всех нас сколь угодно долго. Многие, если не все наши решения и действия влияют не только на наших соплеменников-людей, но также и на родичей-животных. В этой книге мы будем изучать ряд этических вопросов, которые подняли отношения людей с другими животными.

Не все согласны с тем, что существуют этические вопросы, которые вытекают из наших отношений с живот-

ными, поэтому мы для начала должны рассмотреть вопрос, согласно которому у нас нет никакой этической ответственности перед другими животными. Этот взгляд, который я буду называть «принципом исключительности человека», в какой-то мере проистекает из того, что мы психологически и интеллектуально дистанцируемся от нашей собственной животной природы, а потому и от других животных. Наша человечность отличается от нашей животной природы, а некоторые утверждают даже, что она ее трансцендирует. Мы считаем людей творцами мира и смысла и предполагаем, что другие животные таковыми не являются. Мы занимаемся исключительно человеческой деятельностью, которая возвышает нас над другими животными. Поскольку же считается, что люди занимают отдельную, вышестоящую сферу, некоторые полагают, что по-настоящему интерес для этики представляют только люди.

В истории философии можно найти немало примеров подобной точки зрения. Аристотель является, пожалуй, самым известным из ранних философов, кто утверждал, что животные в естественной иерархии вещей стоят ниже человека, поскольку у них нет разума. Он полагал, что в этой естественной иерархии тот, кто находится на более высокой ступени, обладает правом использовать тех, кто стоит ниже, и в то же время несет ответственность за такое использование. Позже стоики продвинулись немного дальше и стали отрицать то, что у животных вообще есть способность к мышлению, утверждая при этом, что они существуют только для того, чтобы их использовали. Философ Ричард Сорабджи писал:

Крайняя версия представления о том, что животные существуют для человека, обнаруживается у стоиков. Согласно Хрисиппу, мошки нужны, чтобы будить нас, а мыши — чтобы мы тщательно прятали свои вещи. Петухи появи-

лись на свет божий тоже с полезной целью: они будят нас, ловят скорпионов и зовут нас к бою, но их необходимо поедать, чтобы кур не стало больше нужного. Что касается свиньи, она наделяется душой... из соли, чтобы она оставалась свежей, и мы могли ее съесть [Sorabji, 1993, p. 199].

Ранние христианские теологи, за важным исключением Франциска Ассизского, также считали животных фундаментально отличными от людей, поскольку у них нет души и поскольку они существуют только для того, чтобы служить человеческим целям². Тогда как Рене Декарт, «отец современной философии» — самый цитируемый сторонник представления о том, что у людей есть сознание, а потому они являются одушевленными существами с определенным нравственным статусом, в то время как другие животные — всего лишь телесные, механические создания, которые существуют, чтобы мы использовали их так, как нам вздумается. По мнению Декарта, как и некоторых его предшественников, животные должны считаться всего лишь живыми машинами, которые автоматически отвечают на стимулы, не осознавая того, что именно происходит с ними, когда они с такими стимулами сталкиваются. Отсутствие у них разума, мыслей, сознания и души означает также отсутствие этического статус-

² Попытка определить, как животные смогли выжить в мире, не имея способности мыслить, часто приводила к сильным философским столкновениям, о чем говорит следующая цитата из Августина: «Различие разве что в том, что младенцев мы видим еще более слабыми, как по телесной силе, так и по силе желаний, нежели самые слабые детеныши животных; потому что сила человеческая тем более обнаруживает превосходство над прочими животными, чем более она сдерживает свое стремление, подобно стреле, оттягиваемой в противоположную сторону при натяжении лука» (Августин Аврелий. О граде Божьем. Кн. XIII. Гл. 3). Я благодарна Мэри Джейн Рубенштейн за то, что она обратила мое внимание на этот отрывок.

са. У нас нет этических отношений с будильниками, тостерами или сотовыми телефонами, и точно так же нет у нас этических отношений и с другими животными.

Несмотря на свое пренебрежительное отношение к другим животным, даже эти мыслители считали, что наше взаимодействие с ними ставит некоторые этические вопросы. Ни один разумный человек не считает, что бессмысленная жестокость в отношениях с животными не влечет никаких этических проблем. На самом деле, в философских работах довольно часто встречаются примеры такой бессмысленной жестокости, которая признается безусловно предосудительной. И если есть смысл утверждать, что нельзя пытаться забавы ради собаку или сжигать живьем кошку из чистого любопытства, может показаться, что в некоторых случаях другие животные могут быть подлинными предметами этической обеспокоенности. Некоторые философы утверждали, что предосудительность таких проявлений бессмысленной жестокости проистекает не из непосредственного ущерба, наносимого животному-жертве, а скорее из того, что они отражают определенный тип характера, который позволяет человеку неэтично вести себя с людьми. Например, по мнению Иммануила Канта, хотя «неразумные животные» являются попросту вещами, перед которыми у нас нет непосредственных обязанностей и которыми мы можем распоряжаться по нашему усмотрению, из действий, направленных на животных, проистекают определенные следствия для человечности. По словам Канта, «если кто-нибудь убивает свою собаку, потому что та не зарабатывает больше на свой хлеб, то этим самым он не действует против своих обязанностей по отношению к собаке, так как она не обладает способностью суждения, а нарушает этим самым принцип человечности в самом себе, согласно которому должен действовать» [Кант, 2000, с. 212]. Согласно мыслителям, которые разделяют в той или иной форме принцип исключитель-

ности человека, когда не-человеческое животное пытаются, с этической точки зрения имеет значение не вред животному, а вред, который сказывается на мучителе и на обществе, членом которого он является.

Многие специалисты по правоприменению полагают, что жестокость по отношению к животным предшествует насильственным преступлениям против людей, а некоторые наиболее известные серийные убийцы в детстве, как известно, издевались над животными. пытки и убийства животных — это еще и признаки антисоциальных психологических расстройств. Рассмотрим пример жестокости, случившейся в Нью-Йорке летом 2009 г. 17-летняя Чейен Черри, которую арестовали по обвинениям в жестоком обращении с животными и проникновении со взломом, в суде призналась, что она как-то запекла котенка в духовке. По сообщениям в прессе, Черри и ее друг «вломилась в квартиру в Бронксе, а потом засунули кошку по кличке Тайгер Лили в духовку, где она, прежде чем умереть, долго мяукала и царапалась. Выходя из зала суда, Черри столкнулась с защитниками животных, которые стояли с плакатами и выступали против убийства животного. «Она мертва, сука!», — огрызнулась нисколько не раскаявшаяся Черри на активистов, широко при этом улыбаясь и ставя себе в заслугу тот факт, что она засунула беззащитного котенка в духовку, раскаленную до 260 градусов. Очевидное нравственное падение Черри заставляет задуматься о ее способности выносить какие-либо нравственные суждения и ее возможности свободно жить в человеческом обществе.

Философам, славящимся логичностью своих рассуждений, порой доставало именно логики в своем осмыслении этики и животных. Это, возможно, обусловлено, по крайней мере частично, неоправданной приверженностью принципу исключительности человека. В следующем разделе мы рассмотрим этот взгляд подробнее, чтобы просто понять, насколько он проблематичен.

АНАЛИЗ ПРИНЦИПА
ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

В принципе исключительности человека скрываются два разных тезиса. Согласно первому, люди уникальны, они — единственные существа, которые делают X или имеют X (где X — это некоторое действие или способность); второй заключается в том, что люди, делая или имея X, превосходят тех, которые не делают или не имеют X. Первый тезис ставит преимущественно эмпирические вопросы — что же представляет собой этот X, который только мы делаем или имеем? Второй тезис предполагает оценочный или нормативный вопрос: если мы действительно найдем способность, которая есть только у людей, означает ли это, что они лучше других, что они — те, кто заслуживает с этической точки зрения больше заботы, чем другие? Почему то, что мы делаем или имеем X, позволяет нам претендовать на исключительное нравственное внимание? Чтобы оценить обоснованность принципа исключительности человека, нам надо будет изучить два этих разных тезиса.

Насколько мы отличаемся?

Начнем с эмпирических вопросов. Конечно, мы отличаемся от других животных, но можем ли мы определить, что именно делает нас уникальными? Каких способностей, имеющихся у всех людей, у животных нет? Что мы делаем такого, что не делает ни одно другое животное?

На роль кандидатов, якобы позволяющих отличить людей от животных, выдвигались многие способности. Решение социальных проблем, выражение эмоций, участие в войнах, развитие культуры, секс ради удовольствия, чувство юмора — вот лишь некоторые черты, которые в тот или иной исторический момент считались исключительно человеческими. Как выясняется, ни одна из таких черт не является присущей только и исключительно человеку. Все

животные, живущие в сложных социальных группах, решают разные проблемы, неизбежно в них возникающие. Собачьи и приматы особенно хороши в этом, однако известно, что даже куры и лошади распознают многих индивидов в своих социальных иерархиях и умеют вести с ними дело. В частности, не-человеческие животные взаимодействуют со своей социальной средой, обращая особое внимание на эмоциональные состояния животных из своего окружения. Например, когда сородич сердится, с ним лучше не сталкиваться. Известно, что животные, связанные друг с другом пожизненными узами, очень сильно страдают, когда партнер умирает. Некоторые животные готовы рискнуть своими жизнями ради партнеров, тогда как про других рассказывали, что иногда они даже умирали от тоски. Койоты, слоны, гуси, приматы и кошатки — вот лишь некоторые из видов, которые, как сообщалось, определенно переживали горе [Bekoff, 2002]. Буйное поведение слонов, которое наблюдалось недавно, заставило некоторых исследователей утверждать, что некоторые животные склонны к посттравматическому стрессовому расстройству, примерно как солдаты, вернувшиеся с войны [Bradshaw, 2009]. И хотя жизнь многих, возможно, даже большинства животных в дикой природе состоит в основном из борьбы за выживание, агрессии и столкновений, в ней присутствует немало смеха и секса [Woods, 2010].

Исследование поведения животных — захватывающий и познавательный способ определения как различий, так и сходств между нашим бытием в мире и тем, как живут другие животные. Многие из их действий, наблюдаемых нами, позволяют нам поразмыслить и над тем, что делаем мы сами, и такие размышления часто вызывают у нас удивление или удовольствие. Однако ядро принципа исключительности человека состоит не просто в различиях или сходствах в поведении, скорее в том, что скрывается за таким поведением — то есть в *когнитивных* навы-

ках, которыми мы обладаем или нет. Многие утверждали, что именно наш интеллект делает нас уникальными. Если притязания на уникальность человека должны быть истинны в каком-то не просто тривиальном смысле — то есть в том, что у людей есть человеческий интеллект, поскольку только люди — это люди, — должна быть и какая-то способность или комплекс способностей, которые определяют этот уникальный интеллект. Что могут представлять собой способности, указывающие на уникальность человеческого интеллекта?

Использование орудий

Долгое время многие считали, что люди — единственные существа, обладающие способностью производить и использовать орудия, и что именно эта способность отличает наш уникальный интеллект. Когда-то даже предлагали назвать наш вид *Homo faber* («человек умелый»), а не *Homo sapiens* («человек разумный»), чтобы подчеркнуть нашу изобретательность и разумность [Napier, 1964; Oakley, 1949]. Представление о том, что люди — единственные животные, которые используют орудия, впервые было поставлено под вопрос в середине 1960-х годов, когда Джейн Гудолл на своей полевой станции Гомбе в Танзании сделала поразительное открытие. Оказалось, что шимпанзе могут очищать ветки от листьев, а затем использовать их для выуживания термитов, засовывая прутья в термитники. Создав нужное орудие и засунув его в термитник, шимпанзе осторожно вынимает облепленную термитами ветку, а потом быстро пропускает ее через зубы, собирая высокобелковый корм [Goodall, 1964; 1986]. Этологи начали наблюдать, как и другие животные, даже птицы, тоже используют орудия. Например, было отмечено, что в Новой Каледонии в дикой природе вороны используют в качестве инструментов палочки; в лаборатории необученная ворона, когда ей предложили похожую на трубку

конструкцию, включающую кормушку с петлей, согнула кусок проволоки в крючок, чтобы поддеть кормушку из трубки [Hunt, 1996; Weir et al., 2002]. Также известно, что используют орудия и некоторые виды дельфинов, спасавших пловцов от большой белой акулы. В Австралии наблюдали, как афалины используют в качестве орудий морские губки. Держа губки в пасти, они ныряют в глубины и тычут своими инструментами в песчаное океаническое дно, чтобы распугать обитающую там мелкую рыбешку. Затем они бросают губки, поедают рыбу и снова собирают губки для следующего захода. По мнению ученых, изучавших дельфинов, они могут поднять намного больше песка, используя таким образом губки [Mann et al., 2008].

Какими бы удивительными ни представлялись эти наблюдения, обычно они не считаются реальным вызовом уникальности человека. Ветки, используемые шимпанзе для выуживания термитов, крючки для добычи пищи у ворон из Новой Каледонии, губки для ловли рыбы у дельфинов — все это примеры простых орудий, используемых не-человеческими животными. Однако люди разрабатывают *наборы инструментов*, которые выполняют разные функции, тогда как животные такими наборами инструментов не пользуются.

Но правда ли это так?

Кристофер Бош с коллегами наблюдали, как шимпанзе сначала используют камень, чтобы разбить орех, а потом палку, чтобы выскоблить съедобную мякоть. Шимпанзе, чтобы достичь своей цели, использовали разные орудия, причем в определенной последовательности. Другими словами, они придумали набор инструментов [Boesch, Boesch, 1990]. Японские приматологи наблюдали, как шимпанзе делают губки из листьев, чтобы собирать воду; когда они не могли дотянуться до воды, они при помощи палок использовали для этого губки. Недавно в Конго наблюдали, как шимпанзе используют наборы инструмен-

тов, состоящие из двух видов палок, — одну для того, чтобы сделать отверстие в муравейнике, а другую, тонкую и гибкую — чтобы выуживать муравьев. Если бы шимпанзе просто сломали муравейник, на них бы хлынули муравьи и искушали бы их, а потому они не смогли бы ими наесться [Sanz et al., 2009]. Поэтому для достижения своих целей шимпанзе используют разные инструменты [Sugiyama, Komam, 1979].

Комбинирование орудий наблюдалось также и у ворон. В одном лабораторном эксперименте, который был проведен в Новой Зеландии, воронам из Новой Каледонии предлагались короткая палочка (и бесполезный камень); коробка инструментов с более длинной палочкой, куда птица могла засунуть свой клюв, но не всю голову; и положенный в отверстие кусочек еды, до которой можно было дотянуться длинной палочкой, но не короткой. Чтобы получить еду, птица должна была использовать короткую палочку, чтобы достать из коробки длинную, а потом донести длинную палочку к спрятанной еде, чтобы ее достать. Шесть из семи ворон сразу попытались достать длинную палочку короткой, а четыре достали с ее помощью пищу уже с первой попытки [Taylor et al., 2007]. Тот факт, что человекообразные обезьяны и птицы сочетают разные орудия для решения проблем, указывает на то, что применение орудий — прерогатива не только людей.

Однако те, кто не хочет отказываться от представления, что использование орудий — черта, которая определяет уникальность людей, придумали еще более тонкие различия, указывающие на то, что применение орудий у человека отличается тем именно, что люди в этом применении следуют определенным культурным трендам. Но потом приматологи, наблюдавшие шимпанзе в Африке, начали замечать культурные вариации в применении орудий в разных местах и у разных групп шимпанзе [Whiten et al., 2001]. Когда руководители девяти дол-

госрочных полевых исследований шимпанзе в Африке сравнили свои материалы, в качестве культурных вариантов были выделены 39 поведенческих паттернов, причем эти вариации нельзя объяснить различиями в экологии и среде обитания. Например, в одной группе диких шимпанзе орехи колют камнями, тогда как в другой, географически удаленной группе, — деревом, хотя и камни, и дерево доступны в обоих местах обитания животных. В другой группе орехи могут вообще не есть, хотя они и доступны. Виктория Хорнер с коллегами решили, что полезно будет узнать, есть ли признаки культурных вариаций в применении орудий у шимпанзе, содержащихся в неволе. Они и впрямь выяснили, что после обучения доминирующих членов одной группы определенной технике добывания еды из одного определенного устройства и альтернативной технике — доминирующих членов другой группы, поведение, внедренное в первой группе, получило распространение именно в ней, тогда как альтернативное поведение — во второй группе. Эти результаты показали то, что «не-человеческие виды могут поддерживать уникальные локальные культуры, каждая из которых состоит из множества традиций». Ученые пришли к выводу, что «согласие наших результатов с теми, что были получены в дикой природе, указывает на богатство культурной способности шимпанзе» [Horner, de Waal, 2009; Horner et al., 2006; Whiten et al., 2007].

Впрочем, тех, кто стремится утвердить исключительность человека, все это не убедило, и они предположили, что исключительно человеческим качеством является изготовление и собирание инструментов до встречи с задачей. Однако было замечено, что те же ловкие вороны создают весьма функциональные орудия, а потом в течение какого-то времени просто хранят их. Исследователи из Оксфорда установили миниатюрные камеры на воронах в их естественной среде обитания и выяснили, что

свое любимое орудие ворона использует длительное время, иногда даже забирая его при перелете из одного места в другое [Norris, 2007].

Возможно, только люди применяют орудия для планирования и проведения охоты, и именно в этом наша уникальность. Заблаговременное планирование требует интеллекта такого типа, который есть только у людей. И опять же шимпанзе опровергли это утверждение об уникальности человека, когда выяснилось, что они изготавливают и применяют охотничьи орудия. В исследовательском центре Фонголи в Сенегале Джил Пруэтц описала 22 случая, когда десять разных шимпанзе, включая самок и молодняк, использовали инструменты для охоты на лори (маленьких приматов). Шимпанзе в Фонголи изготавливали 26 разных пик, производство каждой из которых требует до пяти разных шагов — в том числе заточки кончика орудия [Pruetz, Bertolani, 2007]. Шимпанзе готовят пики, берут их с собой в определенное место, а затем с силой вгоняют их в пустоты в стволах деревьев, где гнездятся лори. Пруэтц также наблюдала, как мать обучала своего детеныша техникам изготовления орудий и охоты. По сообщению *National Geographic*, «с 1960-х годов ученые знают, что шимпанзе способны изготавливать и применять орудия, что некогда считалось исключительно человеческой поведенческой чертой. Теперь же... исследовательница Джил Пруэтц наблюдала такое поведение с изготовлением орудий, которое еще больше размывает границу между человекообразными обезьянами и людьми» [Pruetz, 2007].

Спор о применении орудий обладает определенной диалектической структурой: защитник исключительности человека предлагает определенное поведение, которое, как считается, указывает на некий когнитивный навык или способность, которые есть только у людей, но потом такое поведение замечается и у других животных, чем до-

казывается то, что он ошибся, однако тогда он предъявляет еще более тонкое описание этой способности и поведения, в котором она могла бы проявляться, но опять же лишь для того, чтобы поведение, этому описанию соответствующее, было выявлено и у других животных. Той же диалектике следуют и споры о других способностях, выступающих кандидатами на определение уникальности человека. Например, использование языка, считавшееся исключительно человеческой епархией, стало предметом спора, весьма напоминающего дискуссии о применении орудий.

Использование языка

Хотя интересные истории о говорящих животных встречаются еще в Библии, систематическое исследование языка животных началось не раньше 1950-х годов, когда Кейт и Кэти Хейз взяли детеныша шимпанзе Вики и воспитывали его у себя дома в течение шести лет как человеческого ребенка, — это метод воспитания получил название «перекрестного»³. Одним из навыков, которому они надеялись обучить Вики, была речь. Манипулируя ее губами и зажимая ей нос, они смогли добиться от нее слов «мама», «папа», «верх» (*up*) и «чашка» (*cup*), но ни одно из этих слов ни разу не было произнесено отчетливо. Вики научилась понимать многие произносимые слова, хотя сама никогда не могла говорить их. Вики умерла от пневмонии, когда ей было всего шесть с половиной лет, и на

---

³ В начале 1930-х годов Келлоги в течение девяти месяцев воспитывали детеныша шимпанзе Гуа со своим сыном Дональдом, чтобы составить сравнительный график развития и попытаться пронаблюдать применение языка. Учитывая то, что Гуа на момент начала исследования было семь с половиной месяцев, в плане применения языка результаты были не особенно значимыми. У него наблюдалось бормотание и другие гуттуральные звуки [Kellogg, Kellogg, 1933].

этом данное конкретное исследование перекрестного воспитания закончилось. Только позже стало ясно, что головная анатомия шимпанзе существенно отличается от человеческой, а потому шимпанзе не могут «говорить» так, как это делают люди.

Хотя наша анатомия определяет нашу уникальную способность говорить, не все люди говорят. Например, глухие часто общаются жестами, а их жестовый язык позволяет многим немым вести довольно сложные беседы. Тот факт, что люди, не способные говорить, используют язык жестов, подтолкнул Аллена и Беатрис Гарднеров к исследованию того, могут ли шимпанзе общаться при помощи американского языка жестов (амслен, ASL). Поскольку у шимпанзе и людей весьма сходная гибкость рук, Гарднеры в 1960-х годах начали проект по перекрестному воспитанию, чтобы научить шимпанзе языку жестов. Первым шимпанзе, использовавшим амслен, стала Уошо, которая выучила примерно 200 слов. Это в целом было признано замечательным достижением. Но еще больше впечатляло то, что Уошо комбинировала выученные ею знаки по-новому, чтобы передавать новые идеи. Например, Уошо называла дыню «сладким фруктом», а когда она впервые увидела лебедя, она сказала жестами «водная птица». Также она научила применению амслена своего приемного сына Лулиса. Роджер Фаутс, который был аспирантом Гарднеров и впоследствии продолжил начатую ими работу, провел пятилетнее исследование, в котором только шимпанзе, но не люди, могли общаться при помощи амслена в присутствии молодого шимпанзе Лулиса. К концу этого пятилетнего срока Лулис использовал семьдесят знаков, которые он выучил у Уошо и других обезьян в этой группе, использовавших язык жестов, — у Дар, Моджи и Тату [Gardner, Gardner, 1989; Fouts, 1998]. Шимпанзе не только использовали язык, но также общались с его

помощью между собой и обучали его своих соплеменников.

В 1960–1970-х годах наблюдался значительный энтузиазм, вызванный обучением человекообразных обезьян языку. В это время неподалеку от Стэнфордского университета в Калифорнии язык жестов начала использовать горилла Коко, которая умела сочетать слова спонтанным образом. Чантек, орангутан, которого научили языку жестов в Университете Теннесси, прежде чем перевести его в зоопарк Атланты, выучил 150 знаков. Также был известен Ним Чимпски, родившийся в Институте приматологии в Нормане (Оклахома), лаборатории, где десятки шимпанзе обучили использованию языка жестов. Нима послали в Нью-Йорк, где он первоначально попал в программу перекрестного воспитания, оказался в одном старинном доме в Верхнем Вест-Сайде и обучался амслену в Колумбийском университете под скептическим наблюдением Герберта Террейса [Hess, 2008]. Когда Ним выучил примерно 150 знаков, его отправили обратно в Оклахому, где Террейс и его студенты изучали видеозаписи и данные, собранные в их работе с молодыми шимпанзе. Террейс пришел к выводу, что, хотя Нима обучили примерно так же, как Уошо, Ним применял жесты не так, как применяется язык жестов. У него не было той грамматики, которую используют люди, когда общаются при помощи языка. Кроме того, он указал на то, что многие использованные Нимом жесты и то, как он упорядочивал их, были просто реакциями на стимулы, которые давали ему тренеры, или же выученными ответами, основанными на прошлом успехе, но не были собственно высказываниями [Terrace et al., 1979]. Террейс в своем скепсисе дошел до крайности и утверждал, что Ним на самом деле не понимал значения жестов, которые использовал.

Такой дефляционный вывод — согласно которому коммуникация, которой были заняты обезьяны, на самом деле

не представляла собой язык, поскольку в ней отсутствовала грамматика, — позволил защитникам принципа исключительности человека вздохнуть с облегчением. Однако исследователям обезьян и самим обезьянам есть что сказать по этому вопросу. Сара, шимпанзе, чьи когнитивные способности были, вероятно, изучены лучше, чем у какого-либо другого шимпанзе, применяла магнитные символы, представляющие знакомые объекты, для общения с исследователями. Если Сара хотела яблоко (или любой другой предмет, который не был в ее распоряжении), она ставила символ яблока на магнитную доску в дополнение к символам, указывающим на то, что она хочет, чтобы ее собеседник дал ей яблоко. Собеседник-человек мог переставить символы, к примеру, приказывая Саре дать яблоко Пеони, другой шимпанзе. Когда он так делал, Сара часто отказывалась или же сама переставляла символы, чтобы показать, что яблоко надо дать ей, а не Пеони, тем самым указывая, что она понимает то, что у символов, расположенных в другом порядке, другое значение. Казалось, что Сара понимает грамматику. По мере развития понимания Сары она смогла отвечать на более сложные высказывания, такие как «Сара банан синее ведро положить». Когда ей давали одновременно бананы и яблоки, красные и синие ведерки, красные и синие тарелки, Сара чаще всего помещала правильный фрукт в ведро или тарелку правильного цвета.

Каким бы поразительным ни было понимание Сарой этой символической, репрезентационной формы коммуникации, она не использовала ее для инициации обсуждений или для построения высказываний, в отличие от того, как поступают пользующиеся языком люди. Исследователи, первоначально работавшие с Сарой, — Дэвид и Эн Премак — показали, что шимпанзе не просто реагировали на стимулы, предлагаемые исследователями, как полагали скептики. Однако, хотя Сара и могла использовать

репрезентационную систему, Премаки пришли к выводу, что наиболее развитая репрезентация, а именно высказывание, «значительно превосходит способность шимпанзе» [Premack, Premack, 1984, p. 123]. Следовательно, уникальность человека определяется способностью конструировать высказывания, а не просто применением языка.

Сью Сэвидж-Рамбо, которая работает с бонобо, занимала критическую позицию по отношению к диалектике этих споров, в которых планка постоянно поднимается, и указывала, как и я, на то, что они представляют собой неловкие попытки тех, кто цепляется за представление о непреодолимом разрыве между людьми и другими животными, утвердить исключительность человека даже при наличии ясных доказательств сходства между навыками человека и некоторых других животных. Каждый раз, когда обезьяна оказывается способной сделать нечто характерное для человеческого применения языка, скептики либо отрицают то, что это действительно случилось, либо преуменьшают значение этого действия. Сэвидж-Рамбо приняла вызов, заключающийся в задаче понимания высказывания, и начала просить Канзи, бонобо, с которым она работала, делать весьма странные вещи. Как и Сара, Канзи, когда его просили об этом, ловко складывал бананы в синие ведерки или же яблоки в зеленые тарелки, однако теперь Сэвидж-Рамбо просила Канзи класть ведерки на бананы, сосновые иголки — в холодильник, а мыло — на шар. Канзи удивительно хорошо справился с этим заданием, учитывая то, что его просили делать вещи, которые он прежде никогда не видел и которые кажутся бессмысленными, возможно, даже ему. Младшая сестра Канзи, Панбаниша, справлялась с такими заданиями еще лучше него [Savage-Rumbaugh et al., 1998].

И все же некоторых скептиков это не убедило в том, что другие животные на самом деле понимают язык. Так, Стивен Пинкер, специалист по когнитивным наукам, изу-

чающий обучение языку у детей, полагает, что Канзи и другие были заняты всего лишь ассоциативным обучением. Он считает, что обезьяны прошли сложную форму дрессировки и в результате научились тому, как нажимать нужные кнопки или выполнять правильные действия, чтобы заставить безволосых обезьян, которые их обучают, выложить им конфету, бананы или какие-то другие лакомства. Хотя обезьян, как и нас, надо учить пользоваться языком, их способность учить друг друга, генерировать слова, которым они не учились, путем сочетания уже известных, а также понимать новые грамматические структуры выходит далеко за пределы простой дрессуры. Конечно, тех, кто считает, что способность к языку у человека является врожденной, например, лингвиста Ноама Хомского, переубедить этим вряд ли удастся. Другие животные по определению не могут использовать язык, поскольку он встроен в само устройство человеческого мозга. Хомский говорит об этом так: «Попытка учить животных языковым навыкам иррациональна — это все равно что учить людей махать руками и летать» [Johnson, 1995, p. 10; Chomsky, 1980; Lloyd, 2004].

Определять людей в качестве уникальных обладателей способности использовать человеческий язык — примерно то же, что говорить, что только у людей есть человеческий интеллект. Но мы не хотим самим определением исключать возможность того, что способности или навыки, составляющие человеческий интеллект, могут иметься и у других животных. Если мы подходим к другим животным так, словно они отличаются от нас настолько, что мы не можем и представить, чтобы их поведение было столь похоже на наше, мы можем упустить из виду то, что они делают, и так и не поставить правильные вопросы о когнитивных основаниях их поведения. Если мы ожидаем того, что у них нет требующихся способностей, тогда мы можем упустить некоторые довольно сложные формы

поведения или же дать им дефляционную интерпретацию. Наша приверженность принципу уникальности человека способна исказить наши наблюдения и даже способ проведения экспериментов. Именно это произошло, когда была предложена новая способность, которую многие считали наверняка свойственной только человеку, — речь о способности приписывать другим ментальные состояния.

Теория сознания

Способность понимать тот факт, что другое существо что-то чувствует, видит и мыслит, а также представлять, чем могли бы быть эти его эмоции, восприятия и мысли, требует наличия достаточно сложного комплекса когнитивных навыков. Тот, кто обладает теорией сознания (ТС) — так стали называть этот комплекс когнитивных навыков, — должен, как минимум, понимать, что он индивид, отличный от другого; что у другого есть опыт, восприятия и мысли; и что они могут отличаться от его собственных. Дети старше пяти лет обычно способны думать о том, о чем, возможно, думают другие. Большинство подростков, похоже, только и думают о том, о чем думают другие. Но действительно ли эта сложная когнитивная способность делает людей уникальными?

Вопрос о наличии у других животных когнитивной способности распознавать в других когнитивных существ впервые был поставлен Гаем Вудраффом и Дэвидом Премаком в их статье 1978 г. «Есть ли у шимпанзе теория сознания?». По их мнению, обладание ТС означает, что животное «приписывает ментальные состояния самому себе и другим (либо сородичам, либо также представителям других видов)». Вудрафф и Премак предположили, что к ментальным состояниям, которые приписываются другим, могут относиться «целенаправленность, намерение, верования, мышление, знание, притворство, приязнь и сомнение» [Woodruff, Premack, 1978, p. 518]. Чтобы ответить на

свой вопрос, Вудраф и Премак видоизменили эксперименты по инсайту Вольфганга Кёлера. Кёлер, когда руководил «Станцией изучения антропоидов» на Тенерифе, предлагал обезьянам решить задачу — достать бананы, которые находились в их вольерах вне их досягаемости. У них поблизости имелись бамбуковые палки и инструменты, и, по Кёлеру, шимпанзе обычно внезапно приходили к правильному сочетанию действий, необходимых для того, чтобы дотянуться до бананов, и это заставило его предположить, что у шимпанзе случался внезапный инсайт, который позволял им увидеть решение задачи. В экспериментах Вудрафа и Премака, вместо того чтобы предлагать Саре задачу, которую надо решить, они записывали людей, пытающихся решить определенные задачи, — например, достать высоко подвешенные бананы, используя палки и ящики. Вудраф и Премак показывали видеозаписи Саре, чтобы определить, сможет ли она распознать то, что человек пытается решить задачу, указывая или предсказывая то, как он будет решать каждую из задач.

Было сделано 32 видеозаписи с актером-человеком, который в клетке пытается добраться до недостижимых бананов. В дополнение к видео делались фотографии актера, занятого действиями, составляющими решение задач. Саре показывалось каждое видео вплоть до последних пяти секунд, когда оно ставилось на паузу. Затем Саре показывали две фотографии, из которых только одна представляла решение задачи. Экспериментатор выходил из помещения, и Сара выбирала одну из двух фотографий, помещая выбранную в указанное место. Сара сделала правильный выбор в двадцати одном из двадцати четырех испытаний. Поэтому казалось, что Сара понимала то, что актер пытался достичь определенной цели и что у него была задача, которую он хотел решить, и была способна определять, что именно позволит актеру решить задачу, чтобы достичь своей цели. Для всего этого Сара

должна была приписывать «по крайней мере два состояния сознанию актеру-человеку, а именно намерение или целенаправленность, с одной стороны, и знание или верование, с другой» [Woodruff, Premack, 1978, p. 515].

Однако, поскольку существовало несколько альтернативных объяснений, помимо наличия теории сознания, например, поведение Сары можно было объяснить ассоциативным обучением или же эмпатией, Вудраф и Премак расширили эксперименты с Сарой, пытаясь исключить возможность того, что Сара либо обобщает прежние ситуации, предсказывая на их основе новые (но не приписывает ментальные состояния), либо просто ставит себя на место актера-человека (занимаясь, соответственно, симуляцией, а не рассуждением).

Чтобы исключить ассоциативное обучение, Саре показывали четыре новых снятых на видео сценария, требуя, чтобы она опять же выбрала фотографию, представляющую решение для задачи, представленной на видео. Сара показывала результаты существенно лучше случайных. Для исключения эмпатии актерами на видео стали один знакомый Сары, которого она не особенно любила, и, наоборот, ее любимый кипер. Сара с довольно высокой статистической закономерностью выбирала правильные ответы для актера, который ей нравился, и наоборот, выбирала неправильные, отказываясь решать задачу, для актера, который ей был безразличен. Это означало, что она не ставит себя на место человека, а, наоборот, может распознать разных людей, решая задачу для человека, который ей нравится, и не решая ее для того, кто ей не нравится⁴.

---

⁴ Я знала Сару многие годы (хотя и не тогда, когда она проходила эти конкретные тесты), и наблюдение о том, что она помогала тому, кто ей нравится, и наоборот, как мне кажется, совершенно в ее духе.

Проведя эти испытания, Вудраф и Премак пришли к выводу, что будущие исследования покажут то, что шимпанзе могут правильно приписывать желания, намерения и цели другим. Стало казаться, что некоторые животные, отличные от человека, обладают теорией сознания, пусть она и не так сложна, как человеческая. Однако, как и в случае с использованием орудий и языка, некоторые отрицали то, что эта работа опровергает принцип исключительности человека. В ответ на это были проведены прицельные эксперименты, чтобы определить, могут ли шимпанзе пройти так называемый «невербальный тест на ложные убеждения» который часто используется с детьми, когда они еще не умеют говорить. Тест был разработан для определения того, понимают ли шимпанзе то, что видеть — значит знать. Два человека вставали вне вольера с какой-нибудь лакомой для обезьян едой. Один человек не мог видеть шимпанзе. (Например, ему завязывали глаза, надевали на голову ведро или же он просто смотрел в сторону.) Другой человек смотрел прямо на шимпанзе. Если шимпанзе подходила к человеку, который видел ее, и просила у него еду, а не к тому, кто не мог ее видеть, исследователи могли сделать вывод, что шимпанзе понимает то, что видеть — важная часть формирования индивидами своих ментальных состояний. В этой цепочке экспериментов шимпанзе выбирали людей, к которым они подходили, случайным образом [Povinelli et al., 1996]. Эта работа не подтвердила исходного вывода о том, что шимпанзе могут приписывать самим себе или другим желания, намерения, верования или цели. Собственно, утверждалось прямо противоположное. Например, в статье 1998 г. Сесилия Хейз указала на то, что «все еще нет убедительных доказательств наличия теории сознания у приматов. Мы должны перестать задавать вопрос Премака и Вудрафа» [Heyes, 1998, p. 102].

Существует ряд причин, по которым так и не было получено убедительных доказательств того, что у шимпанзе есть теория сознания. Одна состояла в том, что стандарты того, что считать доказательством, постоянно менялись по ходу изменения смысла ТС. Например, Хейз пишет: «животное с теорией сознания считает, что ментальные состояния играют каузальную роль в порождении поведения, и выводит наличие ментальных состояний у других животных, наблюдая за их внешним видом и поведением в различных обстоятельствах» [Ibid.]. Обладать теорией сознания, соответствующей этому определению, — значит не просто приписывать ментальные состояния другим, предсказывая их поведение, но также и иметь представление о том, что эти ментальные состояния определяют поведение в качестве причины. Это предполагает наличие понятия о причинно-следственной связи. Точно так же, как в спорах об использовании орудий и языка, казалось, что планка, определяющая наличие у животного теории сознания, постоянно поднимается.

Потом Брайан Хэр с коллегами заметили, что шимпанзе, похоже, кое-что понимают в визуальном восприятии других шимпанзе [Hare et al., 2000]. Хэр придумал эксперимент, в котором шимпанзе в подчиненной позиции должен было конкурировать за еду с доминантным, и показал, что подчиненный систематически подходит к еде, которую не видит доминантный, и при этом избегает еды, которую доминантный мог видеть [Hare, Tomasello, 2001]. В другом варианте того же эксперимента подчиненный шимпанзе наблюдал, как прячут еду, которую доминантный мог видеть только в некоторых случаях, в зависимости от того, была ли дверь в его вольер открыта в этот момент или закрыта. Когда доминантного шимпанзе выпускали, подчиненный подходил к спрятанной еде, которую доминантный не видел, когда ее прятали, хотя теперь он и мог ее видеть. После ряда экспериментов ис-

следователи заявили: «Мы считаем, что эти исследования недвусмысленно доказывают то, что шимпанзе на самом деле знают что-то о содержании того, что видят другие, и, по крайней мере в некоторых ситуациях, как это управляет их поведением» [Tomasello et al., 2003, p. 155]. Вот их вывод: «Ставкой тут является не что иное, как природа когнитивной уникальности человека. Сегодня мы полагаем, что гипотезы — наши собственные и других авторов — предполагающие, что шимпанзе вообще не понимают психологических состояний, были слишком поспешными» [Ibid., p. 156]. Исследователи связывают успех в демонстрации шимпанзе понимания психологических состояний другой особи с экологической релевантностью этого эксперимента. Они предполагают, что конкуренция за еду — но не выпрашивание ее у человека — является более типичным для этого вида поведением, а потому оно с большей вероятностью сопровождается проявлением сложных социально-когнитивных способностей.

Хотя спор о том, что именно эти экологически релевантные изменения значат в плане наличия у шимпанзе теории сознания, не закончен, интересно признать то, что шимпанзе, возможно, больше интересуются решением проблем, которые им кажутся «естественными». Когда исследователи сделали шаг назад и стали наблюдать то, что обычно делают шимпанзе, когда взаимодействуют друг с другом в своей среде, а потом придумали эксперименты на основе этих наблюдений, результаты оказались отличными от тех, что были получены, когда структура эксперимента разрабатывалась так, словно шимпанзе в социальном и поведенческом плане напоминают человеческих детей. Но что считать «естественной» задачей, особенно для индивидов, которые всю жизнь провели в неволе, — это отдельный интересный вопрос, который мы рассмотрим в следующей главе. Важно иметь в виду, что мы, возможно, узнаем больше, если будем наблюдать дру-

СЕРИЯ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ»
основана в 2009 г. Валерием Анашвили

В серии вышли: <https://id.hse.ru/books/series/25279520>

Научное издание

Лори Груэн

ЭТИКА И ЖИВОТНЫЕ ВВЕДЕНИЕ

Зав. книжной редакцией Елена Бережнова

Редактор Константин Залесский

Верстка: Юлия Петрина

Корректор Елена Андреева

Дизайн обложек серии: ABCdesign
Полина Лауфер

Макет обложки: ABCdesign
Зоя Жесткова

Дизайн блока серии: Сергей Зиновьев

На обложке — фотография, любезно предоставленная
Константином Залесским

Все новости издательства — <http://id.hse.ru>

По вопросам закупки книг обращайтесь в отдел реализации
тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15295, 15296, 15297
bookmarket@hse.ru

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20,
тел.: +7 495 772-95-90 доб. 15285

Подписано в печать 21.12.2023. Формат 84×108/32
Усл. печ. л. 18,5. Уч.-изд. л. 15,2. Печать офсетная
Тираж 1000 экз. Изд. № 2680. Заказ №

Отпечатано в АО «ИПК «Чувашия»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 13,
тел.: +7 (8352) 56-00-23